

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН (1884-1937)

В общей чрезвычайно сложной и противоречивой картине литературной жизни XX столетия яркая фигура Е. И. Замятина, прозаика и драматурга, публициста и литературного критика, теоретика и историка литературы, воспитателя литературной молодежи, редактора и переводчика, литературно-общественного деятеля, одного из самых образованных людей своего времени, воспринимается как во многом знаковая, объединяющая. В разные годы своего сравнительно непродолжительного творческого пути он отметился во всех потоках русской литературы: был реалистом и модернистом, творил в русле литературы Серебряного века и советской литературы, принадлежал к литературе русского зарубежья, был "еретиком". В творчестве

Замятина отразились все перипетии национальной жизни и наиболее характерные поиски искусства не только первой трети, но и всего столетия. Французский славист Ж. Кат-то подчеркнул, что "замятинская манера письма была средоточием литературных потенций целой литературной эпохи - эпохи, богатейшей потенциями". Замятинский человек в литературе - это ярко выраженный национальный характер, сотканный из кричащих противоречий духа и поведения. На протяжении всего столетия он преподавал нравственные уроки, без усвоения которых наши представления об онтологических потрясениях русской жизни первой трети XX в. будут неполны.

Творческая биография и художественный мир Е. И. Замятина

Евгений Иванович Замятин родился в семье священника в тамбовском городке Лебедянь (ныне Липецкая область). Мать, Мария Александровна, была образованным человеком, любила литературную классику, играла на рояле, чему обучала и детей. Замятин хорошо играл на фортепиано. Особенно любил и глубоко чувствовал А. Н. Скрябина. Позже эта любовь отзовется в рассказе с "интегральной", по определению писателя, образностью "Пещера" (1920), в связи с которым критик-эмигрант Д. П. Святополк-Мирский в статье "Русская литература после 1917 года" (1922) напишет: "Среди молодого поколения только Замятин достоин упоминания. Это очень сильный, возможно, даже могучий мастер реалистического выражения..." В квартире героев рассказа Мартина и Маши среди книг, лепешек, картофелин, других вещей и предметов особо привлекает опус 74 Скрябина. Высказано предположение, что и рассказ выстроен автором под впечатлением от скрябинского опуса и с учетом его мелодики и композиции.

В 1893-1896 гг. Замятин учился в Лебедянской прогимназии, где уроки Закона Божьего преподавал его отец, Иван Дмитриевич, потом - в Воронежской гимназии, которую окончил, в 1902 г. с золотой медалью.

"В гимназии я получал пятерки с плюсом за сочинения, - вспоминал Замятин позднее, - и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно потому (из упрямства) я выбрал самое, что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского Политехникума".

Замятин посещал студенческие сходки в Политехническом институте, участвовал в митингах и демонстрациях на Невском проспекте с пением Марсельезы, вступил в РСДРП. Осенью 1905 г. Замятин - большевистский агитатор среди рабочих. Первую русскую революцию он встречает восторженно, "влюбленно". В 1906 г. Замятин пишет Людмиле Николаевне Усовой (будущей жене): "Революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное - как смерч, поднимающий голову к небу, - ради чего стоит жить. Да ведь это почти счастье!" Однако пройдет десяток лет, и революционно-максималистский восклицательный знак сменится вопросительным.

Литературно-художественный дебют Замятина совпал с окончанием в 1908 г. Политехнического института, где он получил специальность морского инженера и был оставлен при кафедре корабельной архитектуры, с 1911 г. преподавал этот предмет. Позже он напишет ряд специальных статей по кораблестроению. Осенью 1908 г. журнал "Образование" опубликовал рассказ "Один", написанный, по словам Замятина, "одним духом" во время экзаменов при окончании Политехнического института³. Для критики рассказ прошел почти незамеченным, а сам автор впоследствии в автобиографии напишет:

"Когда я встречаюсь сейчас с людьми, которые читали этот рассказ, мне так же неловко, как при встречах с одной моей тетушкой, у которой я, двухлетний, однажды публично промочил платье".

Однако уже через пять лет после публикации рассказа о Замятине заговорят критики. Его имя сразу поставят в контекст отечественной литературы рядом с именами М. Горького, М. М. Пришвина, И. А. Бунина, И. С. Шмелева, А. И. Куприна и других крупнейших представителей русского реализма начала XX столетия. В 1913 г. на страницах журнала "Заветы" (№ 5) была опубликована повесть Замятина "Уездное", в связи с которой, как вспоминал автор, "покойный Измайлов решил печатно, что я - в высоких сапогах, уездный,

лохматый, с толстой палкой - и был очень удивлен, когда я оказался совсем не таким...", а К. И. Чуковский сообщил о рождении "нового Гоголя".

В 1913 г. по рекомендации врачей Замятин был вынужден уехать в Николаев, где, как он шутил, "построил... несколько землечерпалок, несколько рассказов и сатирическую повесть "На куличках"". Повесть действительно получилась в какой-то степени сатирической, вскрывающей подлинное, в коросте и провалах, лицо царской армии, да и не только армии. Написанная накануне мировой войны, она сокрушала один из дряхлеющих оплотов монархической государственности, что было отчетливо понято цензурой, которая поспешила предпринять соответствующие меры. Третий номер журнала "Заветы" за 1911 г., где было опубликовано произведение, конфисковали, а редакция (в том числе Р. В. Иванов-Разумник) и автор за будто бы антимилицаристскую пропаганду, стремление опорочить армию и оскорбить военное сословие, наконец, за нарушение нравственности привлечены к суду.

На страницах отечественной печати повесть "На куличках" вторично появится только в начале 1920-х гг., и на нее сразу же отреагирует литературная критика. Одну из первых оценок, в основном не отвергнутую никем и в последующие годы, даст А. К. Воронский. В статье "Евгений Замятин" критик особенно подчеркнул лиризм замятинской прозы - Воронский называет его "женственным", особым: "подлинный, высокий и трогательный" лиризм

Замятина "всегда - в мелочах, в еле уловимом..." Вместе с тем Воронский воспринял произведение как сатиру, причем сатиру политическую, делающую понятным все то, что случилось после 1914 г. Более того, Воронский в духе официальной цензуры воспринял и изображенных на страницах повести офицеров. По мнению критика, ""Поединок" Куприна бледнеет перед картиной нравственной гнили и разложения, нарисованной писателем: яма выгребная па задворках".

Воронский и последующие критики справедливо говорили о том, что повесть "На куличках" продолжает линию "Поединок" А. И. Куприна и закрепляет открытия романа С. Н. Сергеева-Ценского "Бабаев": разложение жизни царской армии калечило человеческие судьбы, ломало личности. Однако Замятиным, думается, расставлены иные акценты. У него свой предмет художественного исследования, и этот предмет - Россия, подчеркнута русский характер.

"...Создание армии - только лишнее доказательство неспособности к подлинной созидательной работе. Потому что создание армии - работа производительная не более, чем производство пушек и бомб. Потому что всякая армия - это голодный миллионный рот, это многоголовый потребитель, который не производит ни единой нитки <."> Пулеметом нельзя пахать. А пахать давно уже пора".

К этой мысли, изложенной в "Беседах еретика" (1919), Замятин подошел постепенно, и именно с таким подходом к самой идее создания армии связаны многие художественные решения писателя.

Период с осени 1917-го по начало 1920-х гг., т.е. первое послереволюционное пятилетие, в жизни писателя - один из самых плодотворных, творчески насыщенных.

"Веселая, жуткая зима 17-18 года, когда все сдвинулось, поплыло куда-то в неизвестность, - напишет Замятин в автобиографии конца 1920-х гг. Корабли-дома, выстрелы, обыски, ночные дежурства, домовые клубы. Позже бестрамвайные улицы, длинные вереницы людей с мешками, десятки верст в день, буржуйка, селедки, смолотый на кофейной мельнице овес. И рядом с овсом - всяческие всемирные затеи: издать всех классиков всех времен и народов, объединить всех деятелей всех искусств, дать на театре всю историю всего мира..."

Замятин включается в активную общественную работу, сотрудничает в редколлегии и коллегии экспертов издательства "Всемирная литература", занимает крупные посты в издательствах "Алконост", "Петрополис", "Мысль", "Эпоха". В разные годы писатель работал в редколлегиях и печатался на страницах журналов, имеющих самые разные направления: "Дом Искусств" и "Современный Запад", "Русский современник" и "Записки мечтателей", "Русское искусство" и "Литературные записки", "Вестник литературы" и "Россия" ("Новая Россия"), "Голос России" (Берлин). Замятин редактировал сборник "Завтра" (Берлин), состоял в правлении Всероссийского союза писателей, в комитете Дома литераторов, совете Дома искусств, секции исторических картин Петроградского театрального отдела. Кроме того, он читал лекции по истории и теории литературы, писал литературную критику и публицистику, тематический диапазон которых был весьма широк.

Художественное творчество Замятина первых лет советской власти демонстрировало удивительную последовательность и постоянство в

творческом поведении писателя, выборе тематики и направления в ее осмыслении. Реагируя на высказывания в печати А. А. Измайлова об "Уездном", Е. И. Замятин уточнил: критик, мол, удивился, что на самом деле я как автор повести оказался "совсем не таким, не "лохматый" и не "с толстой палкой"". "Впрочем, - продолжал Замятин, - совсем не таким я стал после Англии", куда он уехал в марте 1916 г. и работал там на судоверфях. Следует внимательно прислушаться к уточнению: *"совсем не таким* я стал после Англии". В Англии действительно начался новый, хотя и не принципиально иной, но с другими, чем прежде, акцентами и решениями период творчества художника. Возвращаясь домой, писатель вез с собой навеянные наблюдениями над жизнью англичан и почти завершённые повесть "Островитяне" (1917) и рассказ "Ловец человеков" (1918), на первый взгляд действительно не похожие на произведения предшествующего этапа с их подчеркнута провинциально-русским антуражем. В творчестве самого Замятина они зафиксировали новые поиски, а йотом помогли приоткрыть тайну более поздних произведений писателя со сложной метафористикой, подчеркнута общечеловеческой проблематикой.

Одновременно с "Островитянами", в том же 1917 г., в одном философском ключе Замятин написал два произведения, очень разные по жанру и общей стилистике, но единые по проблематике: сатирическую миниатюру "Третья сказка про Фиту" и лирический экспромт о собаке "Глаза". Замятинские сказки про Фиту (их было четыре) принято считать сатирическими. На деле же они написаны скорее в жанре иронико-комической миниатюры, в традициях русского анекдота. В них автор опровергал свое собственное утверждение, записанное позже в статье "Новая русская проза", о том, что ирония есть "оружие европейца, у нас его знают немногие; это - шпага, а у нас - дубинка, кнут", лишний раз демонстрировал свою приверженность народным формам нравственного наказания юмору и иронии. Лирический экспромт "Глаза" значителен сам по себе как образец открытого лирического начала в прозе писателя-эпика, но не в меньшей степени он привлекает внимание и как фрагмент сложившейся к 1917 г. общей нравственно-философской концепции Замятина, наиболее полно заявленной в "островных" произведениях. Сказки про Фиту, "Глаза" вместе с "Островитянами", "Ловцом человеков", статьей "О равномерном распределении", другими сочинениями 1917-1918 гг. - переходных в общественно-политической и литературной жизни страны - готовили появление цикла замятинских работ, нравственно-философским ядром которых стала нравственно-этическая заповедь апостола Иоанна Богослова о грехе и истине. Здесь прочерчены контуры не только "Огней св.

Доминика", романа "Мы", но и "Пещеры", "Рассказа о самом главном", "Атиллы", других произведений.

Удивительно, но "островные" создания Замятина, городские и антитехнократические по материалу и лейтмотивам, продолжают и тем самым закрепляют непреходящий интерес писателя к проблематике ранних, "посадских" его повестей. "Островные" произведения Замятина создавались в период, когда автор решал для себя вопрос, над которым бились А. Белый, В. В. Розанов, Л. П. Карсавин, А. А. Блок, В. Г. Короленко, М. Горький, А. И. Бунин и другие его современники. Это вопрос о сути русского характера и предназначении России, о ее месте между Западом и Востоком, о "скифстве" русского человека. Тот взгляд на русский характер, который, например, философ Н. О. Лосский определил для себя лишь к концу жизни, был присущ Замятину на протяжении всего его творческого пути. Одну из последних работ Н. О. Лосский так и назовет "Характер русского народа" (1957).

"Русские - вулканы", могучая сила воли, страстность отличают русских. Это проявляется в быту, в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм, фанатическая нетерпимость - проявления такой страстности. Преобладающая черта русского характера - доброта. Однако в русской жизни немало и жестокости. Русский человек поражает многосторонностью своих способностей. Беда русских - недостаток средней области культуры. Они максималисты: "все или ничего". В русском человеке сочетаются Петр Великий, князь Мышкнн и Хлестаков.

В конце 1917 г. после возвращения из Англии, где, кажется, еще более окрепло "скифство" Замятина (во всяком случае, столь тепло и открыто о "русской душе" он ранее не писал), появилась его статья "Скифы ли?". Впервые опубликованная в 1918 г., она написана в виде отклика на выход второго выпуска альманаха "Скифы" (вышел на исходе 1917, в выходных данных - 1918), объединившего писателей, деятелей культуры (А. Белого, М. М. Пришвина, Н. А. Клюева, С. А. Есенина, О. Д. Форш и др.) идеей "революции духа". Идейным вдохновителем издания был Р. В. Иванов-Разумник. В статье Замятин поэтизировал образ скифа, "вечного кочевника", характер которого передан уже в эпиграфе, взятом из предисловия к первому сборнику альманаха: "Нет цели, против которой побоялся бы напречь лук он, скиф..."

В какой-то мере статьей "Скифы ли?" Замятин вторгся в исторически сложившуюся многолетнюю полемику "западников" и "славянофилов". В контексте этого спора статья и все последующее творчество писателя по-

особому интересны. Замятин порицает Иванова-Разумника за его слепоту к "основному, лучшему, величайшему, что есть в русской душе: благородству русскому, нежности русской, любви к последнему человеку и к последней былинке... А именно это лучшее русской души и лежит в основе неодолимой русской тяги к миру всего мира". Другие слова, равные страстным сыновним признаниям, произнесенным после возвращения из заграницы в статье "Скифы ли?", Замятин напишет уже вдали от родины, в Париже, в последние годы жизни. Это известные строчки из аналитического очерка "О моих женах, о ледоколах и о России" (1933), имеющего итоговый характер. Здесь есть прекрасные и точные, пережитые им слова о своей родине:

"Россия движется вперед странным, трудным путем, не похожим на движение других стран, ее путь - неровный, судорожный, она набирается вверх - и сейчас же проваливается вниз, кругом стоит грохот и треск, она движется, разрушая... Русскому человеку нужны были, должно быть, особенно крепкие ребра и особенно толстая кожа, чтобы не быть раздавленным тяжестью того небывалого груза, который история бросила на его плечи. И особенно крепкие ребра - "шпангоуты", особенно толстая стальная кожа, двойные борта, двойное дно - нужны ледоколу, чтобы не быть раздавленным сжавшими его в своих тисках ледяными полями. Но одной массивной прочности для этого все же еще было бы мало: нужна особая хитрая увертливость, похожая на русскую "смекалку" <...> Он переносит такие улары, он целым и только чуть помятым выходит из таких переделок, какие пустили бы ко дну всякий другой, более избалованный, более красиво одетый, более европейский корабль".

Тут не только объяснение писателя в любви к родной земле, но и оценочная позиция, в которой присутствуют и сопоставляются "хитро увертливый" российский "ледокол" и комфортабельный европейский "корабль". О том, что это не просто проходные сравнения, а своеобразный итог многолетних размышлений, оригинально выраженное авторское кредо, при прочтении очерка, опубликованного на страницах французского издания, догадывались только те, кто хорошо знал творчество автора или близко, долго с ним общался. Здесь весь Замятин, с его "иронией" и "сарказмом", "неореализмом" и "постмодернизмом", "невротизмом" и "болезнью души". Не постигнув в замятинском наследии этой его вершины, какой-то безоглядной - словно головой в омут! - любви к России, мы никогда не разглядим и его подножья, представленного разнообразием жанров, стилей и художественных манер.

В 1922 г. по заказу издательства "Аквилон" Замятин написал текст к русским типам художника Б. М. Кустодиева, ставший основой лирического

повествования "Русь", написанного годом позднее. В это же время он создает обобщенно-метафорический с использованием философии и эстетики экзистенциализма "Рассказ о самом главном". Проблематика рассказа эхом откликнулась в "Руси", а может быть, наоборот, картины "Руси" нашли свое прочтение и развитие в "Рассказе...". Оба произведения фиксировали наступающий перелом в творческой эволюции писателя, возврат к земле, к природе, демосу. Одновременно они закрепили замятинское "почвенничество" как форму отношения к национальной и мировой литературной традиции, выраженной в попытке примирения западного, восточного и специфически русского. То же подтвердят и ближайшие по времени создания произведения, прежде всего пьеса "Блоха. Игра в четырех действиях", написанная по мотивам Н. С. Лескова и с большим успехом прошедшая в МХАТ-2 (1925) и на сцене Ленинградского Большого драматического театра (1926).

В 1926 г. Замятин написал рассказ "Слово предоставляется товарищу Чурыгину" (опубликован в альманахе "Круг" в 1927 г. под названием "Слово принадлежит Т. Чурыгину"). Этот эпически-трагикомический сказ свидетельствовал о намеренном возвращении автора к своей неореалистической прозе в том ее варианте, который представлен в ранних "русских" повестях - "Уездное", "Алатырь", "Север" с их обращенностью к уездной жизни и уездному человеку, с поэтической ориентацией на сказ, реалистические изобразительные эффекты и местные речения. Замятин словно устал от универсального, абстрактно-философского метафоризирования и связанного с ним формального экспериментаторства "Островитян", "Мы", "Пещеры", "Рассказа о самом главном", других произведений этого плана. Теперь он критически размышляет о "зыбучих песках периодов", "карамзинском синтаксисе", "пензенстве" (приводит пример с дирижером из Пензы, который рассаживал оркестрантов ромбиками, ступеньками) Пильняка и о "пешеходности" фантазии современников.

Рассказ "Слово предоставляется товарищу Чурыгину" в творческой эволюции писателя стал своеобразным мостиком от экзистенциально-экспрессионистского реализма "Рассказа о самом главном" к романтическому реализму "Елы" (1928), к тому творческому направлению, которое укрепили и драматургия "Атиллы", и эпос "Бича Божия" (1935). "Слово..." свидетельствовало не только о закреплении интереса писателя к героическому началу народной жизни в переломную, чреватую катастрофизмом эпоху, но и о продолжающемся его "скифстве", пожалуй, ярче всего в то время

проявившемся, по определению Замятина, в "романтической трагедии" "Атилла", написанной в стихах, с "далекими отголосками" разговоров революционных лет "об азиатском и западном в нас". В феврале 1928 г. в связи со своими творческими планами Замятин писал:

"Запад - и Восток. Западная культура, поднявшаяся до таких вершин, где она уже попадает в безвоздушное пространство цивилизации, - и новая, буйная, дикая сила, идущая с Востока, через наши, скифские, степи. Вот тема, которая меня сейчас занимает, тема наша, сегодняшняя - и тема, которую я слышу в очень как будто далекой от нас эпохе. Эта тема - один из обертонов моей новой пьесы - трагедии "Атилла"..."

В этом же году он завершил работу над исторической трагедией "Атилла", которую писал около трех лет. Замятин не отвергал огульно западные достижения, а на протяжении всего своего творческого пути пытался "проинтегрировать" специфику русского национального характера и русской истории в параметрах мировой и прежде всего европейской цивилизации. В 1932 г. в интервью Фредерику Лефевру для журнала "Les Nouvelles Litteraires" Замятин так объяснял причину своего обращения к историческому роману "Бич Божий" с материалом пьесы "Атилла" в основе:

"Если я заинтересовался этой темой, которая кажется далекой от нас, то лишь потому, что я полагаю, что мы живем в век, близкий к эпохе Атиллы. Как и тогда, паше время определяется большими войнами и социальными катастрофами. Быть может, завтра мы также будем свидетелями гибели очень высокой культуры, находящейся уже на ущербе. К тому же напомним, что государство Атиллы простиралось от Волги до Дуная и что главные силы его войск составляли славянские и германские племена".

Незавершенный роман "Бич Божий" (по плану автора создавалось огромное эпическое полотно под названием "Скифы", а "Бич Божий" составлял одну из его частей) был издан посмертно в Париже в 1938 г.² Состояние Европы, распоротой восстаниями и революциями, войнами и предчувствием грядущих катастроф передано в романе уже в первых строках, на первых страницах. Замятин в последний раз обратился к своему трагическому, пугающему, но близкому и понятному полифоническому образу чрева, на этот раз какого-то особого, космического, глобально-катастрофического масштаба.